

ЕЛЕНА МАРЕЕВА

Ильенков и Поппер о своеобразии социальной науки

В наиболее развернутом виде критика позитивизма представлена в последней книге Э. В. Ильенкова¹. Речь в ней о противостоянии В. И. Ленина второму позитивизму. Современник Ильенкова постпозитивист К. Р. Поппер начинал с критики представителей третьего — логического — позитивизма. В статье «Разум или революция?» Поппер высказывает недоумение по поводу того, что Ю. Хабермас охарактеризовал его как позитивиста. Уже в «Логике научного исследования», подчеркивает Поппер, «я критиковал этот [Венский] позитивистский кружок с реалистической и антипозитивистской точек зрения»². В признании его позитивистом Поппер видит нелепый миф. Но почему Ильенков, как и Хабермас, был уверен в обратном? Чего не смог преодолеть в позитивизме сам Поппер?

В работе «Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность» Карл Поппер довольно остроумно замечает, что первым представителем позитивистской философии науки был епископ Беркли, нападавший на Ньютона за признание им в природе невидимых сущностей. Тем не менее, первым позитивистом принято считать не Беркли, а Конта, который повторил призыв Ньютона к ученым «бояться метафизики». Учение Конта — это развернутая программа изгнания «метафизики» из науки. Он же попытался заложить научный фундамент под наши знания об обществе, для чего и создал социологию.

¹ Ильенков Э. В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат, 1980.

² Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 316.

Изгоняя из науки «метафизику», как показывает Ильенков, позитивисты по сути изгоняют из нее теоретическое мышление. В полемике с советским вариантом позитивизма, в лице И. С. Нарского и Д. И. Дубровского, он показывает, как из науки о мышлении устраняется категория идеального, посредством которой классическая философия выразила своеобразие человеческого отношения к миру. Экстраполируя методы естествознания в область социально-гуманитарного знания, позитивизм игнорирует своеобразие социального закона, а значит — отличие общества и культуры от природы. Но в чем, собственно, состоит это своеобразие?

Последний вопрос обрел свою особую остроту в свете основной дилеммы XX века: сциентизм — антисциентизм. То было время поляризации умонастроений научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Выражением такой поляризации как раз и явилось противостояние, с одной стороны, позитивизма, а с другой — экзистенциализма, герменевтики, философии жизни. Если позитивизм транслирует методы естествознания в социально-гуманитарную область, то представители экзистенциализма, герменевтики и философии жизни постулируют специфику «вживания», «вчувствования», «понимания» культуры и духа — в противоположность рациональному объяснению в естествознании.

Здесь следует особо выделить принципиальную позицию Поппера, который объявил дилемму «объяснения» и «понимания» *ложной*. Искусственным, по его мнению, является и противопоставление методологии естествознания и социальных наук. Наука невозможна без *понимания* существа дела. А что есть объяснение, как не *уяснение*, а следовательно, *понимание* оснований происходящего?

О ложности указанной оппозиции говорит и Ильенков. Оба считают эту дилемму неслучайной, поскольку здесь действие родило противодействие. Антисциентизм стал реакцией на односторонность и грубость сциентизма, навязывающего повсюду нормы рассудочной логики и натуралистический подход.

Ильенков, как и Поппер, говорит о логике как методологической основе *любой* науки. Но под «логикой» они понимают разное, и в этом, по большому счету, просматривается разница между классической и неклассической философией. Поппер говорит об особом методе «объективного понимания, или ситуационной логики» (*objective understanding, or situational logic*) как методологии социального познания. У Ильенкова методологией социального познания является логика диалектическая. Вслед за Энгельсом Ильенков признает диалектику в природе, но диалектический метод демонстрирует полноту своих возможностей именно при анализе истории, жизни духа. Аналогичным образом, как будто бы, рассуждает и Поппер, у которого особую роль в осознании ситуационной логики как способа объяснения природы играет физика микромира. Квантовая теория, пишет он

в работе «Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность», позволила заменить понятие жесткой причинно-следственной связи на понятие *предрасположенности*, которую он трактует как свойство не объекта, а *ситуации в целом* плюс способа, каким изменяется эта ситуация.

В классической физике, как известно, мир представал подобием механизма, в котором единственный вариант причинения — воздействие извне. Но в классической философии — в частности, у Спинозы — речь идет о *самопричинении* как высшей форме детерминизма. Вот в этом пункте Поппер расходится с Ильенковым как наследником философской классики. Теория предрасположенностей Поппера доказывает, что не только в квантовой физике, но и в химии, биологии — в мире в целом — законы действуют не по принципу внешней каузальной связи, а как результирующая внутреннего взаимодействия, в осмыслении которого решающую роль играет исчисление *вероятностей*. А поскольку в сознании Поппера детерминизм означает признание лишь внешних причинно-следственных связей, то в рамках своей теории предрасположенностей он формулирует позицию принципиального индетерминизма. Более того, согласно Попперу, наряду с признанием действия законов как тенденций, мы должны признать свободу воли применительно к природе в целом. Он уверен, что «детерминизм попросту ошибочен: все его традиционные аргументы увяли, индетерминизм и свобода воли стали частью физических и биологических наук»³.

В данном случае Поппер рассуждает так же, как и в случае с утверждением фальсификационизма. Если абсолютной истины нет, то истину можно ставить на одну доску с заблуждением, каковым она рано или поздно и сделается в ходе развития науки. Точно так же решается у него вопрос о детерминизме: если природные процессы не строго детерминированы извне, следовательно, они не детерминированы вовсе.

Здесь стоит напомнить, что такого рода способ рассуждения в марксизме характеризуется как *метафизический*. Не в смысле его отвлеченно-спекулятивного характера, а в смысле ограниченности и недиалектичности такого мышления. Ведь из того, что абсолютных истин нет, сторонник диалектической, не ситуационной, логики делает вывод об *относительной* истинности наших знаний. А из того, что детерминация извне характерна только для механических систем — вывод о *разных типах* детерминации.

Ситуационная логика, логика индетерминизма — это круглый квадрат. Признавать в развитии мира некую логику, не признавая в нем особого рода детерминации, по меньшей мере, нелогично. Однако Поппер не так прост. Местами он пишет о действии особых вероятностных

³ Там же. С. 187.

законов. А критикуя «социологию знания» К. Манхейма и М. Шелера, он утверждает, что познание приближает нас к более полной истине о мире⁴. Но эти метания только оттеняют принципиальную позицию. Точно так же ситуационная логика Поппера оттеняет своеобразие диалектической логики и, прежде всего, там, где идет речь о социальных науках.

Если традиционная версия позитивизма экстраполирует природную детерминацию на область истории и культуры, то «нетрадиционный» позитивизм Карла Поппера заключается в экстраполяции *индетерминизма* из области природы на культуру, и наоборот. Рассуждая об исторических процессах, Поппер откровенно игнорирует тему причинно-следственных связей. «Причинное объяснение» упадка Римской империи, заявляет он, было бы абсурдным⁵. То же самое касается исторического закона, который для Поппера, по сути, фикция. Не так у Ильенкова. Для него достоинство диалектической логики состоит в том, что она позволяет показать принципиальную разницу между *законом* природы и *законом* истории. Здесь-то и пролегает граница между историзмом и позитивизмом.

Характеризуя ситуацию выбора, возможную уже в живой природе, Поппер отмечает, что в ней «смешиваются» как *случайности*, так и *предпочтения* – предпочтения организмами некоторых возможностей, поскольку организмы ищут «лучший мир». Предпочитаемые возможности он называет «приманками». Самокритичность входит в мир с объективными продуктами жизни, такими, как паутина, птичьи гнезда и плотины бобров. Природа, согласно Попперу, уже чревата самокритичностью, свободой и творчеством. Способность природы образовывать новые качества (что в наши дни многозначительно именуют «эмерджентностью»), а следовательно, ее способность к эволюции, есть «космологическая» предпосылка и свободы, и творчества. Но коль скоро способность природы к эволюции – необходимое условие рождения человеческой свободы, является ли это условием достаточным?

Поппер явно гордится тем, что всегда боролся «против обезьянничанья» социальных наук, т.е. против заимствования ими методологии естествознания. При этом он не отказывается от «*объективной реконструкции ситуации*», в которой видит суть ситуационной логики. Это означает, что планы, желания, потребности людей тоже должны рассматриваться *объективно*. Все составляющие нашего опыта, включая желания и усилия, читаем мы у Поппера, могут вносить свой вклад в указанные выше *предрасположенности* – иногда больший, иногда меньший, в зависимости от конкретного случая⁶. В выявлении *объективного со-*

⁴ Там же. С. 319.

⁵ См. там же. С. 330

⁶ См. там же. С. 187.

держания мыслей, желаний и действий людей Поппер видит важный момент *объяснения* в области социальных наук. Именно это, а не «вживание» во внутренний мир исторических личностей, как предлагает, к примеру, британский историк Р.Дж. Коллингвуд, отличает социальную науку от естествознания. По Коллингвуду, историк способен *узнать*, что делал Цезарь и почему так поступал, если ему удастся «влезть в шкуру Цезаря», т.е. *понять его изнутри*. Но, возражает Поппер, при таком методе исследования мы вступаем на путь субъективизма, когда вместо *объективной реконструкции* получаем никак не проверяемые *субъективные интерпретации*⁷.

Поппер характеризует предрасположенность как вариант не простой, а *взвешенной* возможности, реализующей себя в качестве некой тенденции. Когда предрасположенность менее 1, отмечает Поппер, это свидетельствует о борьбе конкурирующих сил, действующих в разных направлениях. Когда же предрасположенность равна 1, перед нами ситуация, которая выглядит как действие некой определяющей силы, дающей результат. Но такого рода «каузация» — всего лишь особый случай предрасположенности, а не наоборот. Глядя на мир как на изменяющиеся предрасположенности, пишет Поппер, мы способны понять реальность в состоянии ее становления. Мир в теории предрасположенностей выглядит как процесс реализации имеющихся возможностей и разворачивания новых возможностей⁸. Заметим, что в диалектической логике указанный процесс, начиная с Гегеля, характеризовался как переход абстрактной возможности в конкретную и, далее, в действительность.

Понятие «предрасположенности» заменяет у Поппера классическое понятие закона. Он стремится доказать: то, о чем ранее говорилось как о «вечных сущностях», способно к *становлению*. И действительно, если законы механики признавались вечными, то в современной химии и биологии речь идет о трансформации закономерностей. Но своеобразие исторического закона заключается не только в этом. Дело в том, что в историческом процессе переходят друг в друга *противоположности* — субъективное и объективное, свобода и необходимость.

В докладе «Логика социальных наук»⁹ Поппер резко выступил против психологизации социального знания: задача социальной науки не в том, чтобы понять, как в субъективной деятельности людей *рождается* некое объективное содержание, а в том, чтобы *представить* субъективные цели в виде объективных социальных фактов. Науку психологию он считает производной от социологии, так как психологические явления могут быть *научно объяснены*, а не только описаны, лишь если они редуцированы к социальным фактам.

⁷ См. там же. С. 331.

⁸ См. там же. С. 188.

⁹ См. там же. С. 310–311.

Ильенков, как и Поппер, не приветствовал психологизацию социального знания. И для него естественной была ставка на объективный анализ, который можно проверить логически и практически. Мы не видим существенной разницы между их позициями там, где Поппер в интервью, озаглавленном «Историческое объяснение», настаивает: нельзя приступать к историческому объяснению, не осознавая *проблемы*. Исторические ситуации, подчеркивает Поппер, это проблемные ситуации. При этом мы должны различать *проблему историка*, которая состоит в объяснении определенных исторических событий, и *проблемы людей*, действующих на исторической сцене. Понять проблемы людей, пишет Поппер, означает действительно понять историческую ситуацию. А историк хорош в той мере, в какой он способен показать, почему перед теми, кто действовал в истории, стояли эти проблемы.

Иначе выглядит ситуация, когда Поппер указывает на следующий шаг в социально-историческом исследовании: от осознания проблемы к выдвиганию гипотезы. Избегая разговора о причинно-следственных связях, он говорит здесь о *релевантности* аспектов рассматриваемой ситуации тому историческому событию, которое подлежит объяснению¹⁰. «Релевантность» по-русски означает «соответствие». Но в интервью рядом с термином «релевантность» стоит слово, переведенное как «ответственность». Выходит, что социальная ситуация может быть «ответственной» за произошедшее событие, *не причиняя и не порождая* его.

Чуть ниже Поппер уточняет, что объясняемое событие может *вытекать* из сложившейся ситуации. Однако все это всего лишь художественные образы, которые не разъясняют сути и не решают саму проблему: способно ли субъективное желание и действие человека стать обуславливающим, порождающим, определяющим началом в истории? Поппер даже не ставит вопроса о том, как *свободная* деятельность людей отливается в *объективные* закономерные формы. Целью социальной науки в данном случае является поиск релевантности, а *действия человека* изначально фигурируют в роли одного из элементов объективной ситуации.

Но то, что несущественно для ситуационной логики Поппера, есть реальность для логики диалектической. Диалектическая логика стремится понять, каким образом закон истории рождается из свободной деятельности людей. Как из свободы рождается необходимость? Причем в диалектике противоположности именно переходят друг в друга, а не внешне сочетаются, как это себе представляют недалекие социологи.

Принцип дополнительности — суррогат диалектического взаимоперехода — на каждом шагу встречается в научных исследованиях. Имен-

¹⁰ См. там же. С. 331.

но так, напрямую, сочетаются позитивная наука и религия у позднего О. Конта. Вместо диалектического снятия через опосредствование здесь перед нами прямое механическое соединение крайностей.

В свое время отец формальной логики Аристотель разрывался мыслью между крайностями эмпиризма и рационализма, не будучи в состоянии снять их в чем-то третьем. Но то было две с половиной тысячи лет назад. Что касается Поппера, то он в XX веке настаивает, что метод науки — дедуктивная логика. При этом лишая ее *определенности*, — что собственно и означает отрицаемый им «детерминизм». Дедукция становится у него методом реконструкции неопределенностей. Чего же больше в такой методе — рационализма или иррационализма?

Точно так же он рассуждает в случае с релевантностью ситуации и объясняемого события. С одной стороны, научное объяснение возможно лишь там, где объективное соотносится с объективным (а не субъективным!). Вот почему в ситуационной логике, предложенной Поппером, «психологические элементы» изначально заменяются «элементами ситуации». Понятно, что в таком случае личные убеждения и теории превращаются в безличную информацию, а устремления — в абстрактные мотивы. А с другой стороны, теория в роли информации и устремление как абстрактный мотив оказываются у Поппера «ответственными» за чудесным образом возникшее будущее. Ведь чудо — это как раз то, что не имеет посюсторонних причин.

Иначе выглядит методология социального анализа у Ильенкова, который по сути конкретизирует здесь известную мысль Маркса из «Святого семейства» о том, что люди одновременно являются актерами и авторами драмы под названием «история». Характеризуя в статье «О всеобщем» гегелевскую диалектику, Ильенков отмечает, что в ней нет места *переходу* или *превращению* единичного во всеобщее. «У Гегеля лишь “всеобщее” имеет привилегию “отчуждаться” в формах особенного и единичного, — пишет он, — а единичное всегда оказывается тут лишь продуктом, лишь частным, и потому бедным по составу “модусом” всеобщности»¹¹. Однако история экономических (рыночных) отношений, продолжает Ильенков, свидетельствует об обратном: «форма стоимости вообще» отнюдь не всегда была всеобщей формой организации производства. «Всеобщей формой она сделалась, а до поры до времени — и весьма долго — оставалась частным, частичным, от случая к случаю имевшим место, отношением между людьми и вещами в производстве»¹².

Указанный переход «единичного и случайного» во «всеобщее», подчеркивает Ильенков, отнюдь не редкость в истории, скорее даже правило. «В истории — и не только человечества с его культурой — всегда

¹¹ Ильенков Э. В. О всеобщем // Некоторые проблемы диалектики. Выпуск VII. М.: Наука, 1973. С. 37.

¹² Там же.

происходит так, что явление, которое впоследствии становится всеобщим, вначале-то возникает именно как единичное исключение “из правила”, как аномалия, как нечто частное и частичное. Иным путем вряд ли и может возникнуть хоть что-либо новое, история имела бы весьма мистический вид, если бы все новое в ней возникало разом, сразу, как “общее” для всех без исключения, как внезапно воплощающаяся “идея”»¹³.

Диалектическая логика у Ильенкова, в противоположность ситуационной логике Поппера, есть прежде всего диалектика *порождения* всеобщих социальных форм и закономерностей. И рождаются они не иначе, как из случайного и единичного. Именно так возникает новое в истории. Однако новое новому рознь. Ильенков, вслед за Гегелем и Марксом, отличает исторический факт, чреватый всеобщим, от сугубо случайного факта. «Для научного понимания действительности важно не просто единичное как таковое, как нечто абсолютно неповторимое, однократное, то, что Гегель называл “дурной единичностью” (скажем, цена отдельного товара на рынке для политической экономии или цвет волос государственного деятеля для политики), а только такое единичное, в котором выражаются строение и развитие определенной конкретной действительности»¹⁴. Только такого рода единичное способно развиваться в свой собственный общий тип. Такое чреватое всеобщим единичное именуется в диалектике «особенным».

В истории «особенным» являются в первую очередь реальные люди с их поступками, мыслями, желаниями. Здесь перед нами то субъективное начало истории, без которого, в соответствии с диалектической логикой, невозможно саморазвитие и саморазличение тотальности. «Без раскрытия единичного, — пишет Ильенков, — всеобщность остается пустой абстракцией. Поэтому в непосредственной практике, например в политике, педагогике, медицине и т.д., а также в искусстве, важен учет неповторимой индивидуальности факта, человека, материала и т.д.»¹⁵.

В материалистической диалектике такое единичное и субъективное начало не только *предпосылка*, но и *продукт* процессов, протекающих по всеобщим закономерностям. В развивающейся действительности постоянно осуществляется переход единичного во всеобщее и обратно. Действие всеобщей закономерности, читаем мы у Ильенкова, выражается через единичное, а всякая новая всеобщая форма (закономерность) всегда вначале выступает в виде единичного исключения из всеобщего правила, будь то рождение нового биологического ви-

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Ильенков Э. В. Единичное // Философская энциклопедия, в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т.2. С. 103.

¹⁵ Там же.

да, новой формы общественных отношений или чего угодно иного. Никакая реальная система явлений не может развиваться, не выделяя из своего состава новых и новых единичных формообразований, которые вносят в нее новые различия, изменяющие ее общий облик. Единичное, таким образом, реализует многообразие в единстве и является необходимой формой развития действительности. «При этом сохраняются и воспроизводятся развитием, получая всеобщее значение, лишь такие единичные “исключения”, которые соответствуют общей тенденции развития, требованиям, заложенным во всей совокупности условий, и реализуют эти требования своей особенностью, своим отличием от других единичных. Через единичные, случайные отклонения, прокладывает себе дорогу общая необходимость, закономерность»¹⁶.

Однако вернемся к Попперу, который в докладе «Логика социальных наук» приводит пример с Карлом Великим: знание о нем было бы более полным, найди мы, к примеру, «письмо, которое покажет, что в распоряжении Карла Великого было не то знание, которое мы предполагали в нашем анализе»¹⁷. Пример этот толкуется Поппером в пользу того, что весомыми в социальном анализе могут быть только результативные действия и ясные, конкретные планы и сообщения, каким и является указанное письмо. Меж тем в реальной истории решающим зачастую оказывается как раз отсутствие действий. Вспомним знаменитое пушкинское «Народ безмолвствует». И для сегодняшней России деморализация большинства — один из факторов, *определяющих* способ жизни. Значит, не только действие, но и бездействие, не только страсть, но и апатия может стать особым фактом истории, конституирующим всеобщее, новый тип социальной необходимости.

На деле все обстоит сложнее, чем в попперовском примере с письмом Карла Великого. Именно в форме особого факта истории, особенного события и исторической личности, согласно Ильенкову, рождается историческая закономерность. Конкретный процесс сцепления такого рода обстоятельств и должен реконструировать представитель социальной науки.

Разговор о своеобразии социального познания требует отметить еще одну сторону дела, которой касается Карл Поппер. Характеризуя цель действий в социальной науке, он говорит не только о *реконструкции*, но и об *интерпретации*. Почти за каждым термином в науке стоит своя проблема. В данном случае проблема интерпретации выдвигает на первый план роль ученого как «посредника» между прошлым и настоящим, изучаемой ситуацией и текстом. Объективна или субъективна интерпретация событий ученым? И сколько может быть верных интерпретаций? Относительно чего они верны?

¹⁶ Там же.

¹⁷ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. С. 312.

Первыми стали обсуждать эту проблему, как известно, представители герменевтики, начиная уже с Ф. Шлейермахера. И Поппер также затрагивает ее в уже упомянутом интервью «Историческое объяснение», когда говорит, что мы даем интерпретацию истории, исходя из собственного опыта. Понятно, что с природой так поступать нельзя. «Таким образом, у историка, — отмечает Поппер, — есть опыт прошлого, возможность его обсуждения и, наконец, опыт его собственного времени. Этот последний открывает ему новые возможности относительно прошлого и позволяет пересмотреть отношение к нему. Так что каждое поколение оказывается в некотором смысле в лучшем положении с точки зрения понимания прошлого или, во всяком случае, в другой ситуации. Вместе с тем каждое поколение интересуют другие проблемы и другие аспекты проблем»¹⁸.

Из этого следует, что проблема интерпретации наиболее актуальна для социальных наук и области гуманитарного знания — литературоведения, искусствознания и пр. Но это не значит, что все интерпретации заведомо субъективны. Проблема *объективности* различных интерпретаций, которой тоже касается Поппер, получает наиболее ясный вид там, где мы видим в истории борьбу различных социальных сил. Дал ли, к примеру, Лев Толстой объективную картину российской жизни? Если да, то насколько полна эта картина? И может, правда переходит в истину тогда, когда мы совмещаем различные правдивые интерпретации жизни, и даже прошлое в свете исторических изменений при этом поворачивается к нам другой стороной?

Ильенков в своих работах по эстетике не раз повторял слова Маркса о том, что «Человеческая комедия» Бальзака дает для понимания буржуазного общества значительно больше, чем все труды экономистов. Такое возможно, поскольку искусство способно представить в форме художественного образа ту же самую сущность мира более зримо и впечатляюще, чем положения научной теории.

Единым корнем научного и художественного творчества Ильенков, вслед за представителями немецкой классики, называет способность воображения. Анализ этого единства посвящены его работы по эстетике, где, помимо прочего, речь идет о феномене «художественной правды», без которого невозможно искусство¹⁹. Искусство имеет свои законы, определяющиеся уже не содержанием, а художественной формой. Древняя фреска, условным образом изображающая Богородицу, тоже правдива, если исходить из «законов красоты». И эти законы тоже объективны, хотя и отличаются от законов природы...

Всех этих аспектов нет в рассуждениях об интерпретации у Поппера, который не раз повторяет, что «с исторической точки зрения инте-

¹⁸ Там же. С. 334.

¹⁹ См.: Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Искусство и коммунистический идеал. М.: Искусство, 1984. С. 224–276.

ресны те интерпретации, которые побуждают нас ставить интересные исторические проблемы»²⁰. В выборе проблемы историком, утверждает он, может проявляться искра гения. И здесь в очередной раз сказывается непоследовательность позиции Поппера. Если для нас важна *объективность* интерпретации истории, то к чему стремиться быть интересным и оригинальным? Не мешает ли такое новаторство достичь искомой *релевантности*?

Другой пример противоречивости взглядов Поппера дает нам прославившая его в широких кругах критика марксизма и коммунизма. В приведенном интервью Поппер осознанно настаивает на связи ситуационной логики с *конкретностью* исторического анализа. И тут же приводит в пример собственные внеисторические параллели между Марксом и Платоном. Каждое поколение, отмечает он, в некотором смысле имеет не только право, но и обязанность переписывать историю. Так усиление нацистской Германии вызвало у Поппера интерес к тем аспектам философии Платона, которые прежде его не интересовали и в настоящее время не так уже интересуют²¹. При этом оценка Поппером Платона и Маркса в книге «Открытое общество и его враги» очень далека от конкретных проблем, которые решались их учениями.

В ситуации Платона речь шла о противостоянии против разъедающего афинскую демократию своекорыстия и некомпетентности. Он нашел его в образе «философа на троне», которому воспрещается иметь собственность, жену и детей, чтобы не стать своекорыстным. В ситуации Маркса речь уже идет о путях формального и реального обобществления труда и собственности в индустриальном обществе, о способах разрешения противоречия между трудом и капиталом. Проблемы здесь, как мы видим, разные. Согласно Попперу, эти учения объединяет ставка на насилие в интересах государства. Тогда с тем же успехом в данный ряд можно было бы поставить британского министра обороны...

Таким образом, Поппер изгоняет из социальной науки не только психологизм, но и конкретный историзм, и детерминизм (пусть он и далек от юмовского отрицания причинности, из которого по сути вырос позитивизм), и прежде всего — идеальное. На этом последнем моменте стоит остановиться чуть подробнее.

В своем интервью Поппер приводит такой ответ на вопрос о причине смерти Карла I: он умер, потому что ему отрубили голову. И продолжает: «В мире, в котором люди имели бы обыкновение время от времени отрубать себе голову, чтобы освежиться и отрастить новую, — в таком мире подобное объяснение было бы столь же неудовлетворительным, как в нашем мире объяснение “он умер, потому что постриг волосы”»²².

²⁰ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. С. 335.

²¹ Там же. С. 334.

²² Там же. С. 330.

Так почему же Карлу отрубили голову? Ведь на его шею упал не камень с крыши, а топор палача. Еще одно остроумное высказывание на ту же тему: есть разница между Цезарем, переходящим Рубикон, и делающим то же самое стадом коров. Что общего в этих двух примерах? В обоих случаях *материальное действие* человека, будь то великий Цезарь или простой палач, имеет еще и социально-политический, а шире — *идеальный, смысл*, которым собственно и интересуется социальная наука, в отличие от науки естественной. Но все это оказывается за кадром социального познания у Поппера. Цель приведенного им остроумного примера лишь одна — показать, что детерминизм непродуктивен. Карла убил не топор, а сочетание элементов в некоторой «ситуации». И такая трактовка воспринимается самим Поппером как торжество индетерминизма.

В этом случае, как и во многих других, Поппер остроумием компенсирует отсутствие серьезного решения проблемы, которая со времен античности составляла сердцевину философии. Анализ проблемы идеального как раз и составляет главную заслугу Ильенкова. Поппер, безусловно, более известен, чем Ильенков. Но ближе ли он к истине? Впрочем, с точки зрения постпозитивиста Поппера, как и критикуемого им позитивизма, абсолютной истины нет и не может быть. А значит сам вопрос этот для позитивистски мыслящих людей становится бессмысленным.